

ОЛЕГ БАТЛУК

БАЛАНС БЕЛОГО

Олег Батлук
Баланс белого

«Издательские решения»

Батлук О.

Баланс белого / О. Батлук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509401-8

«Тот, кого ты однажды сфотографируешь, после этого становится счастливым. У тебя есть уникальный дар исправлять карму. Своей камерой ты как бы обеспечиваешь баланс белого в окружающем мире. Ты можешь настроить в нашей реальности настоящий белый цвет, без этих паршивых оттенков: серенького, желтенького, красненького и этого вечного черненького в белом, которые портят все. Это необъяснимо. И при этом реально». «Баланс белого»

ISBN 978-5-00-509401-8

© Батлук О.
© Издательские решения

Содержание

Баллада о рыцаре без лошади	6
Оловянный солдатик	12
Красивые мыши	16
Баббо Натале	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Баланс белого

Олег Батлук

Корректор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Дмитрий Жакетов

© Олег Батлук, 2019

© Дмитрий Жакетов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-9401-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баллада о рыцаре без лошади

Доходные дома обычно хороши только с одной своей стороны – с той, что смотрит на проспект или набережную. На Руси всегда умели выгодно выставлять фасады. Саша знал эту нехитрую истину и еще добавлял от себя, что чем параднее крыльцо, тем грязнее нужник. В доходном доме, где они с матушкой снимали комнату в квартире у инженера, было именно так. Весь Версаль достался набережной, а вот их оконце исправно выходило в глухой колодец внутреннего двора. Здесь стены словно умоляли жильцов не чихать, благо для падения им хватило бы и ничтожного шума.

Саша не мог ходить, сколько себя помнил. Руки у него тоже были слабые, иногда вдруг немели. Тогда он ронял костыли, на которых передвигался, волоча ноги, и падал. Врач, навещавший их, приходился матушке не то дальним родственником, не то другом семьи. Во время своих немногочисленных визитов доктор проделывал одно и то же: одинаково печально покачивал головой, профессионально охал, сначала долго отказывался, а затем все же за чем-то принимал ничтожный гонорар и пропадал еще на полгода.

Саша никогда не выходил на улицу в одиночку. Ему требовалось присутствие матушки рядом, чтобы подхватывать его, когда слабели руки. Но она днями напролет пропадала в купеческом доме, где служила гувернанткой. Зимой же про гуляния можно было и вовсе забыть: Нева туго затягивала город в ледяной корсет. По такому катку и здоровому человеку передвигаться было непросто. Петербург щедро баловал своих жителей наводнениями, ветрами, метелями и в особенности долгими зимами. Иногда они казались Саше бесконечными. Порой он даже думал, что бог в одночасье отменил весну за грехи человечества.

Тем не менее Саша считал себя весьма занятым человеком. Дел у него и правда было невпроворот. Например, он ежедневно изучал внутренний дворик их доходного дома. Конечно, с большей радостью Саша принялся бы штудировать Петербург с парадного фасада, но туда выходили только окна комнаты, в которой жил инженер. Вот уж кто мог всласть любоваться и набережной, и прохожими. Но инженер этой роскоши не ценил. Почти все время он проводил в типографии, на которой работал, и комнату свою запирали. Отборный вид бездарно пропадал. Саше оставалось днями напролет зубрить повадки местного дворника. Вскоре юноша мог сдавать по нему экзамен. Других экзаменов ему не полагалось: к своим шестнадцати годам, в силу своего положения, Саша нигде не учился. Матушка как могла занималась его домашним образованием. Помимо дворников, Саша неплохо разбирался в сером цвете камней. После метели кирпичи в стене напротив их окна выдавали идеальный серый, но вовсе не такой насыщенный, как после короткого легкомысленного снегопада.

Впрочем, не только камни и приставленные к ним дворники занимали досуг юноши. Он был вполне полноценным человеком и смотрел в окно лишь по несколько часов в день. Значительную часть времени Саша посвящал своему основному занятию – поэзии. Писал он самозабвенно, помногу, запоем. Вечерами Саша встречал матушку ворохом бумаги и читал ей до глубокой ночи, переходя на шепот, когда со службы возвращался инженер. Иногда Саша путал листы местами. Это было не страшно. Во-первых, потому что писал он по большей части об одних и тех же средневековых рыцарях и американских следопытах, совершавших одни и те же беспримерные подвиги. А во-вторых, его матушка так утомлялась за день с двумя толстокожими и твердолобыми наследниками славного купеческого рода, что, слушая сына, спала с открытыми глазами.

Инженер также участвовал в образовании юного соседа по мере сил. Раз в месяц он торжественно вручал Саше очередной толстый номер «Вестника Европы». Это был единственный журнал, который инженер выписывал. Кроме него, он и вовсе ничего не читал. Видимо, уставал от книг в своей типографии. Тем самым инженер играл в собственных глазах роль про-

светителя юношества. За неимением других представителей он довольствовался Сашей. После того как молодой человек проглатывал очередной том «Вестника», инженер приходил в его комнату и они неспешно обсуждали статьи, поэзию и прозу.

Наконец, было у Саши еще одно, исключительно тайное, увлечение. Юноша скрывал его даже от матушки. Внешне оно выглядело весьма обыденно. Каждое воскресенье, когда инженер проводил дома свой законный выходной, на пару часов в первой половине дня он позволял Саше постоять у окна его просторной комнаты. Сам хозяин в это время либо читал новый номер «Вестника Европы», если месяц только начался, либо перечитывал старые. Иногда он просто дремал. Саша стоял за занавеской так тихо, что несколько раз инженер забывал про него и, отправляясь по делам, запирали комнату вместе с мальчиком.

Это были самые счастливые моменты в жизни Саши. Тайственность же этого увлечения, его сокровенность, не доверяемая даже самому близкому человеку на свете, заключалась в том, что юношу привлекал вовсе не вид из окна на набережную. Дело в том, что иногда по воскресеньям под окнами инженера прогуливался ангел. Ангел учился в последних классах женской гимназии – судя по форме, которую гимназисток обязывали носить и в выходные дни. Саша читал об этом в «Вестнике». Ангел ходил по земле, а Саша смотрел на него свысока, с третьего этажа. Девушка неизменно появлялась под руку с высокой статной дамой, видимо, матерью. Каждый раз они проделывали один и тот же путь по набережной под окнами инженера. Саша отлично знал, что счастье не вечно и заканчивается за мостом, где набережная делала поворот. Он легко сумел бы убедить себя в том, что девушка плывет над мостовой, если бы не изящные ботиночки или сапожки. К несчастью, заветная пара появлялась на набережной не слишком исправно и далеко не каждое воскресенье. Но свой рыцарский пост, свою сторожевую башню Саша не покидал ни при каких обстоятельствах, даже если руки совсем отказывались слушаться. В таких случаях он наваливался на подоконник и упирался лбом в раму.

Их роман длился уже больше года. Саша всерьез считал это романом, хотя они даже не знали друг друга. Но ведь были же у них свидания, пусть и не каждую неделю, и признания в любви, которые он шептал ей через стекло, и его нежные взгляды, порхающие вокруг нее несмелыми мотыльками. Однажды Саша даже подарил своей даме цветы – нарисовал букет пальцем на морозном стекле. Конечно, девушка не могла этого видеть, даже если бы подняла голову. Чтобы принять прекрасный букет, ей бы пришлось перейти на другую сторону канала, обернуться, найти его окно в третьем этаже, встретиться с ним взглядом и лишь тогда улыбнуться. С момента первого появления гимназистки под Сашиными окнами его стихи не изменились. Саша по-прежнему писал о рыцарях и следопытах. Он не сомневался, что ангелы способны жить только в сердце, а не на бумаге.

Март 1911 года осыпал город мелкими упреками серых дождей, дымился по утрам паром в подворотне, просился в дом сквозь дряхлую раму окна жалобным сквозняком. Саша сидел на заправленной постели абсолютно без дела. Инженер недавно пришел со службы и заперся у себя. Матушка еще не вернулась от своих оборванцев. Дворник прятался где-то от назойливой мороси. Вода превращала пейзаж в несносную акварель. Саша никак не мог решиться, о чем ему писать сегодня: о рыцарях или о следопытах. Он клевал носом и старался не дышать слишком глубоко, чтобы не спугнуть спасительный сон. И вдруг в дверь постучали.

Выждав немного по обыкновению, инженер открыл дверь и вошел. В руках он держал новый, вкусно пахнущий бумагой и кожей экземпляр журнала «Вестник Европы». «Ах да, март...» – успел подумать Саша.

– Надо признать, весьма удивлен, братец.

С этими словами инженер несколько картинно протянул Саше увесистый том. Юноша не обратил внимания на его реплику. Он был уже весь там, под толстой кожей нового номера. Саша стряхнул с себя остатки сна, устроился на постели поудобнее и на мгновение замер. Это

был целый ритуал – чтение «Вестника Европы». Саша деловито послунывил палец и открыл обложку.

Папиросная бумажка, за ней вставка с портретом. Подписано: Стасюлевич. Седовласый, с тросточкой. Следующая страница – титульная.

«„Вестник Европы“, журнал. Март. Санкт-Петербург, 1911 год».

Саша раскрыл журнал сзади и принялся читать оглавление.

«Начало эпохи освобождения крестьян» Семенова-Тян-Шанского.

«Ну, это не в первую голову, после прочтем», – решил Саша.

«Осенью», рассказ В. Муйжеля.

«Какая же осень, весна вон на дворе», – ворчал он про себя.

«Смерть», стихотворение Дмитрия Цензора.

Саша читал оглавление и дошел уже почти до самого конца.

«Провинциальное обозрение». Памяти Михаила Матвеевича Стасюлевича.

«Ах, так вот к чему фото в начале», – догадался Саша.

П. Д. Боборыкин «Прорыв в вечность»

«Баллада о рыцаре без лошади», стихотворение Александра...

Саша вздрогнул и захлопнул журнал.

Чтобы вновь раскрыть увесистый том «Вестника» на оглавлении, Саше потребовалось время: руки дрожали, не слушаясь, а глаза будто чем-то заволокло. Саша наконец справился и начал заново. Ближе к концу страницы сердце снова заколотилось.

... «Провинциальное обозрение». Памяти Михаила Матвеевича Стасюлевича. П. Д. Боборыкин «Прорыв в вечность». «Баллада о рыцаре без лошади», стихотворение Александра...

Надрывая бумагу непослушными руками, Саша перелистнул на стихотворение. Прочитал несколько строчек. Затем встал, сгреб костыли и застучал по комнате.

Никаких сомнений. В знаменитом журнале «Вестник Европы» за март 1911 года сразу следом за повестью П. Д. Боборыкина «Прорыв в вечность» была напечатана баллада его сочинения, под его именем. Бегло прочитав балладу, Саша удостоверился, что это именно его текст. Мысли пребывали в полном беспорядке. Он хотел кинуться к инженеру, но застеснялся. Битый час Саша то садился, то поднимался, гремя костылями, то хмурился, то улыбался. В сущности, в его жизни никогда ничего не происходило. Он оказался не готов к первому полноценному, полнокровному и бескомпромиссному событию.

Когда вернулась матушка, Саша буквально наскочил на нее и едва не сбил с ног.

Затем он показывал ей журнал, а она признавалась, что когда-то давно передала несколько его стихов одному профессору университета, которого встречала у купеческих барчуков, и, видимо, через него как-то все и устроилось. Матушка сетовала, что тот профессор не сказал прежде ей, чтобы она могла предупредить его, Сашу. Саша читал свою балладу, как заправский поэт, вытянувшись в струнку на костылях в комнате инженера. Матушка держала раскрытый журнал перед его лицом, когда он опирался на костыли, так как Саша не помнил своих баллад наизусть. Инженер и хвалил, и немного критиковал, но больше хвалил, а затем все аплодировали. Юный поэт изящно кланялся и даже ни разу не упал. Вечер пролетел мгновенно, как и должны пролетать вечера в юности и как они никогда не пролетали у Саши. Он скоро утомился и рано пошел в постель. Ему снились многотомные сны с продолжением, и поутру он не вспомнил ни одного.

На следующий день был выходной, и все остались дома. Саша сидел на кровати, зачарованный и хмельной от глубокого глотка судьбы. Матушка все не могла насмотреться на улыбающегося сына, как будто видела его впервые. Саша уже успокоился и степенно листал «других», как он особенно подчеркнул в беседе с инженером, авторов. Петербургская весна за окном силилась изобразить что-то вроде солнца. Получился этакий желток, размазанный по облакам, но в общем вполне сносно. В коридоре слышался шум. Кажется, там кто-то переговаривался.

Почти сразу в их дверь постучали, они откликнулись, и инженер учтиво пригласил в их комнату незнакомца.

– Это к вам, гость.

Инженер ушел к себе. А мужчина остался стоять в дверях в нерешительности.

– Простите, я позволил себе взять ваш адрес в редакции...

Он запнулся, его взгляд упал на обложку журнала, который держал в руках Саша, и гость продолжил:

– ... «Вестника Европы».

Матушка поднялась.

– Простите, с кем имею честь?

И тут Саша с несвойственной ему прытью вскочил с кровати, едва не забыв костыли и не рухнув перед посетителем на пол. Он выглядел ошалелым.

– Мама, ну что ты, что ты? – запричитал он, почти захлебываясь.

Саша встал рядом с вошедшим, поклонился ему, поклонился матушке, несколько неказисто вытянул руку в неопределенном направлении и произнес:

– Матушка, позвольте вам представить: Блок, Александр Александрович.

И, внезапно обессилев, Саша опустился обратно на кровать.

– Как же так? – озадаченно спросила матушка.

Она не спешила предложить гостю стул. Ошарашенный Саша вытащил из ящика стола фото, очевидно, вырезанное им откуда-то.

– Вот. Это он. Там подписано.

Матушка нацепила очки и, как заправский жандарм, начала сверять изображение с оригиналом. Во время всех этих манипуляций Блок послушно стоял как ни в чем не бывало. Наконец матушка спохватилась:

– Ой, да как же, что же вы стоите?

Она почти насильно усадила визитера на собственное вязание, так что тому затем пришлось незаметно для хозяйки доставать из-под себя спицы. Блок еще раз представился, уже сам, и удостоверил свою личность. Саша смотрел на него с полуразинутым ртом. Еще день назад он глядел бы и вовсе с разинутым, но за последние сутки в его жизни это было не первое чудо, и он как будто начал к ним привыкать.

Матушка заговорила первая, видимо, решив сразу придать беседе интеллектуальное направление. Она сказала, что сначала подумала, будто вошедший – Оскар Уайльд. Блок несколько неуверенно кивнул. Матушка тут же поспешила поправиться и добавила, что, мол, Уайльд-то умер давно. И тактично присовокупила: как она слышала. Блок кивнул еще более неуверенно. Здесь вмешался Саша и отметил, что его матушка не очень сильна в современной поэзии. И добавил: в отличие от вас, Александр Александрович. Все засмеялись, и дальше разговор покатился уже свободно, как по рельсам. Блок рассказал, что познакомился с творчеством Саши в этом самом журнале – он еще раз взглянул на обложку – «Вестник Европы», и оно весьма его впечатлило. Более того, Блок верит в большое поэтическое будущее своего визави и видит в нем несомненный талант. Потом они говорили о поэзии, и всё вокруг Саши плыло в сказочном тумане. На прощание Блок подписал ему свою фотографию. Гость уже собирался уходить, когда Саша придержал его за лацкан элегантного пиджака. Блок наклонился.

– Александр Александрович, а что стало с вашей прекрасной дамой?

Блок едва заметно улыбнулся и ответил:

– Я женился на ней.

Он поклонился и направился к двери. У порога Блок обернулся и сказал Саше:

– Никогда не женитесь на своей прекрасной даме, тезка.

Когда Сашина мама и Блок вышли из квартиры на общую лестницу, он спросил:

– Как вам удалось напечатать его стихотворение?

Женщина проверила, плотно ли она затворила за собой дверь.

– Понимаете, я ничего не печатала. Он у меня никуда не выходит, вы же видели. Читает только «Вестник Европы», ему сосед приносит. Я однажды в этот «Вестник» тайком от Сашеньки его стихи носила, так они меня там на смех подняли. Сказали, у нас только маститые авторы печатаются.

Блок улыбнулся.

– Я его стихи туда просто вклеила.

– Вклеили? – удивился Блок.

– Инженер наш, который вас впустил, на типографии служит. Вот через него-то я и устроила, чтобы стихотворение Сашеньки набрали на листе с двух сторон шрифтом, похожим на этот «Вестник», а заодно и новую последнюю страницу с оглавлением мартовского номера. В оглавлении – все то же самое, только Сашин стих еще добавлен. Потом я взяла эти два листа, со стихотворением и с оглавлением, и вклеила их в журнал. Полночи провозилась, пока Сашенька спал, чтобы аккуратно получилось. Сам журнал мне инженер пожертвовал. Очень мне помог.

– А как же номера страниц? Они же в журнале по порядку идут... – спросил Блок.

– Так я же в самый конец журнала вклеила. Выдрала страницу с настоящим оглавлением, а вместо нее балладу Сашеньки и новое оглавление пристроила. На Шашином листе инженер пропечатал нужные номера страниц, их мы в новом оглавлении и указали.

– Надо же, – Блок стал натягивать перчатки, – вы сами как типография. Странная типография, выпускающая журналы в единственном экземпляре...

– А как же иначе, дорогой вы мой, – запричитала женщина, – он же у меня целыми днями дома, как икона в углу. Что он видит-то в жизни своей... Стихи пишет, души в них не чаёт... Вот и затеялась я с журналом этим... С инженером мы условились, чтобы он принес Саше новый «Вестник» как обычно, будто ему ничего неизвестно, будто не сам он этот журнал подделывал... А когда я поняла, что с журналом все сладится, то вдруг испугалась. Стихи в журнале – это, конечно, чудо, но чудо какое-то маленькое, понимаете, а что если его Сашеньке мало будет? Так мне хотелось для него чуда большого, чтобы ком в горле... Тогда-то я и раздобыла адрес ваш нынешний у профессора, что к барчукам моим ходит, и вот я к вам, как снег на голову, на Большую Монетную: здравствуйте, Александр Александрович, сын у меня есть, не ходит, сидит да стихи пишет и вас, видно, очень ценит, раз портрет ваш я у него в столе видела, так вы придите и скажите ему, что прочли будто бы стихи его, что стихи-то неплохие, с вас-то не убудет, дорогой вы мой человек, Александр Александрович...

Она заплакала. Блок приобнял ее.

– Ну, эту часть истории я знаю.

Женщина вытерла лицо и что-то протянула Блоку. На лестнице было плохо видно, Блок прищурился:

– Что это, деньги, что ли?

Он поморщился.

– Будет вам, будет.

Блок начал спускаться вниз.

– Конфет, что ли, ему купите, – добавил он на ходу.

Затем, видимо осознав неловкость фразы, остановился и обернулся:

– Скажите, а другие с вас деньги брали? За журнал? Инженер этот или компаньоны его на типографии? Брали?

Женщина комкала в руках ассигнации.

– Нет, Александр Александрович, никто не взял.

Пока матушка провожала Блока, Саша сидел на кровати и гладил шершавую обложку журнала.

В его голове словно открыли кран, из которого безудержно хлестало счастье. Оно разливалось по всему телу, и с каждой секундой Саше становилось теплее. А кран все не закрывали, и счастье все текло и текло. Блок только что ушел, а Саша уже забыл о его визите. Юноше было совершенно безразлично, что значит его баллада для мировой поэзии и как ее оценивают знаменитые авторы. Если бы сам Пушкин вдруг пришел к нему, задорно трясая кудрями, и принялся его нахваливать, Саша и про него позабыл бы тотчас же. Он не слишком жаловал свои стихи, не ценил их и занимался рифмоплетством скорее со скуки. Но его баллада была напечатана! А значит – и в этом Саша был почему-то абсолютно уверен – все гимназистки Санкт-Петербурга обязательно прочтут его стихотворение, и, что гораздо важнее, его прочтет та самая главная из всех гимназисток, которая иногда прогуливается по набережной канала по воскресеньям.

И тогда они с ней, наконец, встретятся, в конце мартовского номера «Вестника Европы», на странице четыреста сорок три.

Оловянный солдатик

Мальчик приходил на станцию почти каждый день.

За исключением тех случаев, когда он помогал маме в огороде. Но и тогда, если управлялись засветло, парнишка бежал на любимое место, перепачканный и чумазый. В школу он еще не ходил, время лилось через край. Девать его в их городке было некуда. Городок был таким маленьким, что существовал на грани географической погрешности. Собак и тех больше, чем людей. Вокзал оставался в нем единственной территорией, где хоть что-то происходило. По крайней мере, там примерно раз в час ходили поезда. Правда, все они пролетали мимо. Все до единого. Жизнь намеренно обходила их захолустье стороной.

Мальчик никак не мог понять: как это еще ни один локомотив не задержался на станции хотя бы на минутку, полюбопытствовать, кто же обитает там, где они столько раз проносились не глядя? А вдруг гномы? Ладно, локомотивы, допустим, гордые, переливаются на солнце сверкающим металлом, выпячивают бока с огненно-красными полосками. Но паровозы, добрые старички, неужели им тоже неинтересно? Ведь и они тоже прочухчухивают мимо. Охая и как будто жалуясь, хромают по рельсам в свою недалекую даль. Мальчик ежился от жалости, когда соседи называли их станцию полустанком. Словно кто-то утащил у нее половину, а никому и дела нет.

Единственной постройкой в поселке, которая не выглядела карикатурно, было двухэтажное здание вокзала с вывеской. Вывеска содержалась начальником станции в идеальном порядке. Время от времени он подновлял буквы. Бодрый ветерок, обитающий в здешних местах, быстро разносил запах краски по округе. Старики в своих палисадниках улыбались в бороды. Порядок исправно соблюдался, они были довольны.

Когда мальчик смотрел на здание вокзала, у него набегала слюна. Уж очень оно походило на пирожное. Коричневая крыша будто из темного шоколада. Стены белые-белые, точно глазированные. Окошки с зелеными ставенками: их, конечно же, нанесли сладким кремом. На подоконниках – благоухающие вазоны, в которых вечно что-то цветет и буйствует. Привокзальные часы с медной вязью били каждый час. Массивные дубовые двери вокзала оставались всегда полуоткрытыми, словно он ждал гостей. Неподалеку торчала водонапорная башня. Красно-желто-зеленая, она расширялась кверху и больше напоминала маяк. И мальчик верил, что именно благодаря ей поезда находят дорогу к их станции.

Возле здания вокзала приютилась маленькая будка голубого цвета. В ней продавали газеты и всякую мелкую всячину. Полустанок традиционно состоял из двух перронов, разделенных железной дорогой. На одном перроне располагалось все самое интересное: и шоколадное здание вокзала, и гроза всех волн – водонапорная башня, и культурный центр городка – газетный киоск. А на другом – только ветхая, рассохшаяся от дождей скамейка и несколько местных старушек на ней. Да еще мусорное ведро, в которое старушки дисциплинированно вытряхивали шелуху от семечек.

Мальчик приходил на вокзал с той стороны, где стояла лавочка с бабушками, со стороны скучного перрона. И целый день вертелся возле них. Дело в том, что мама строго-настрого запретила ему переходить железную дорогу. Пешеходного моста на станции отродясь не было. В одном месте на рельсы положили доски, по которым жители и сновали туда-сюда. И хотя поезда ходили редко, мальчика все равно отпускали гулять к вокзалу лишь с условием, что он никогда не убежит на ту сторону, на другой перрон, и будет все время на виду у старушек. А те и рады были оказаться полезными и несли свою вахту исправно. И мальчик, и бабушки каждый день ходили на станцию как на работу.

Старушки в шутку прозвали мальчика Оловянным солдатиком. Ведь он повсюду таскался с игрушечным автоматом. Детское оружие висело у него на груди на ремне. Мальчик

носился по станции как угорелый. Автомат бешено стрекотал. «Солдатик» прятался за скамейкой с бабушками и, когда на станции появлялся очередной состав, выпрыгивал у них из-за спин и поливал проносющийся поезд невидимыми очередями. Особенно отчаянно он расстреливал последний вагон, в котором, по его сведениям, прятался злодейский командир. Мирно дремлющие бабушки каждый раз вздрагивали и даже иногда подпрыгивали. И без того слабые на ухо, от неистового стрекота они глохли еще больше.

Но однажды мальчик перешел на шаг. А потом автомат и вовсе умолк. То ли в нем сели батарейки, то ли все же не в нем, а в мальчике. Даже у тех батареек, что внутри мальчиков, оказывается, тоже есть срок годности. Мальчик слонялся по перрону, подбирал камушки и кидался ими в окрестных голубей. Неизвестно, как мальчик стрелял, но швырялся он совсем плохо. Камушки упорно не попадали в цель. Вскоре голуби привыкли к этому и даже не улетали, а лишь недовольно косились на маленького мазила. Мудрые старушки на скамейке с умилением глядели на него и перешептывались:

– Гляди-ка, больше не носится, видно, взрослеет.

С голубей, с которыми у мальчика не сложилось, он переключился на здание вокзала на другой стороне. Запретный объект моментально обрастает для ребенка мифологическими деталями. Мальчик мог часами наблюдать за самой выдающейся во всех смыслах постройкой в округе. Время от времени из здания вокзала выходил начальник станции. Он торжественно появлялся в своем идеально отглаженном железнодорожном мундире и фуражке и встречал поезда. Точнее – провожал взглядом, приложив ладонь к козырьку. Начальник станции никогда не опаздывал. В какой-то момент мальчик даже предположил, что начальником станции управляют большие вокзальные часы: когда-то он стал их пленником и теперь вот болтается в своей фуражке, подвешенный к гигантским чугунным стрелкам на невидимых ниточках, как кукла-марионетка. Интересно, а если он однажды не приложит ладонь к козырьку, поезд останется?

К водонапорной башне у мальчика тоже было немало вопросов. Как-то в сумерках ему привиделось, будто в окошках-бойницах на самом верху блеснул свет. Мальчик тогда только еще крепче прижал к груди свой автомат. Он не сомневался, что в водонапорной башне прячутся злобные тролли, которые хотят заманить старый паровоз в ловушку. Зачем злобным троллям старый паровоз, мальчик не знал, но, с другой стороны, старый паровоз – ведь это настолько ценная вещь, что от нее никто не откажется.

Старушки с интересом наблюдали за своим подопечным и коротали время, гадая, чем же это он занимается, когда ползает по бетону, собирая вековую пыль. На другой перрон, по ту сторону железной дороги, к вокзалу, мальчик так ни разу и не убежал, хотя тот был рядом, рукой подать. Поговаривали, что у его матушки большое сердце. Он не совсем понимал значение этих слов, но маму жалел.

Однажды, на первый взгляд совершенно обычным утром, какими поначалу и кажутся утра, которым суждено перевернуть всю нашу жизнь, вековой уклад станции был нарушен. Кое-что прибавилось к прокисшему местному пейзажу и заставило старушек на развалине-скамейке максимально усилить бдительность. Они перестали дремать и стали приходить на вокзал даже раньше обычного, тем самым опровергнув мнение некоторых злопыхателей, утверждавших, что старушек в свое время принесли на станцию вместе с лавкой.

Новая деталь окружающей обстановки была мала, кучерява, очаровательна и приходилась начальнику станции внучкой. Девочка приехала к дедушке погостить на лето. По ее собственному мнению, она была уже даже стара – только что закончила первый класс школы.

После появления на вокзале девочки мальчик вновь вернул себе гордое звание Оловянного солдатика, которое ему в свое время присвоили станционные наседки. Он больше не позволял себе таких глупостей, как блуждание по перрону. Более того, мальчик пошел на беспрецедентный шаг и перестал швыряться камушками в голубей. Он где-то раздобыл новые

батарейки и, как и прежде, носился взад-вперед, расстреливая полчища одному ему видимых врагов. Запыхавшийся солдатик периодически останавливался перевести дух и, естественно, косился в сторону белокурой девочки на другой стороне. Но та только посмеивалась над чумазым сорванцом, а иногда даже презрительно фыркала. Дошколенок был для нее, целой перво-классницы, сущим ребенком. Она смотрела на него с высоты прожитых лет.

Девочка смотрела на мальчика с высоты в буквальном смысле. На втором этаже вокзала располагалась квартира начальника станции. Его внучка любила проводить время на открытом балкончике, утопающем в цветах. К ее приезду дедушка перекрасил серые перила в розовые. Девочка появлялась в каком-то невероятном белом воздушном платье. Старушки любовались ею и вспоминали свои юные годы, хотя их детство кончилось уже так давно, что пожилым женщинам казалось, будто они никогда и не были детьми. Девочка еще плохо писала, неважно считала, не знала, что земля круглая и когда закончилась последняя война. Но наукой кокетства, этим тайным женским знанием, передаваемым через первую заплетенную мамой косичку, она уже владела в совершенстве. Поэтому кудрявая первоклашка не могла позволить себе просто сидеть на своем розовом балконе. Она непременно танцевала, кружась с невидимыми кавалерами, и украдкой поглядывала вниз на своего до зубов вооруженного рыцаря. Чем быстрее кружилась девочка, тем стремительнее носился по перрону солдатик. От бесконечной трескотни у старушек начались мигрени. Они гадали, что же кончится у мальчика раньше – силы или батарейки.

Бабушки были так стары, или так ленивы, или и то и другое вместе, что они ни разу не ходили за газетами в киоск на перроне напротив. Вместо этого не менее древний старичок, продавец в будке, дважды в день выползал на свет божий и читал им вслух свежую газету, утреннюю и вечернюю. Неизвестно, как к нему попадала свежая пресса. Старушки этого не знали. Более того, проверить новости от продавца газет они тоже не имели никакой возможности. Если бы однажды он объявил им, что наступил конец света, бабушкам не оставалось бы ничего иного, как разойтись по гробам.

Скоро в автомате у мальчика и правда снова сели батарейки. Девочка тоже устала беспрестанно кружиться. Получается, даже невидимые кавалеры могут наскучить. Все чаще дети стали присоединяться к ритуальному чтению газет. Когда вокзальные часы пробивали урочный час, на станции собиралось молчаливое общество. Старушки устраивались на своей скамеечке, мальчик усаживался прямо на перрон посреди сонных голубей, девочка облакачивалась на перила своего цветочного балкона, а ее дедушка замирал в дубовых дверях вокзала. Продавец газет читал им вслух, а мальчику казалось, что это где-то вдалеке шелестит дождь. Оловянный солдатик все реже поглядывал на цветочный балкон, и его взгляд становился раз от раза печальней. Ему казалось, что теперь и он, и прекрасная девочка, и все прочие обитатели станции вслед за ее начальником навсегда попали в плен к вокзальным часам.

– Лиза, иди обедать! Только игрушки собери!

– Хорошо, мамочка!

Лизу не нужно было просить дважды. Ведь у ее мамы больное сердце, по крайней мере так поговаривали.

Лиза осторожно разобрала кольцо игрушечной железной дороги. Вернула в коробку блестящий локомотив с красными полосками по бокам и черный паровозик. Подняла с пола макет водонапорной башни и маленький газетный киоск, водрузила их обратно на полку серванта. Туда же девочка осторожно поставила скамеечку, к которой были приклеены три старушки, а также статуэтку железнодорожника в мундире и фуражке. Особенно бережно Лиза пристроила на прикроватной тумбочке кукольный домик с коричневой крышей, вазонами на окнах, розовым балконом и большими часами.

Она огляделась и тяжело вздохнула. На полу оставались лежать две маленькие игрушечные фигурки, неподалеку друг от друга: юной балерины в белоснежном платье, порхающей в застывшем танце, и зеленого солдатика с пластмассовым автоматом.

Лиза была очень послушной. Но теперь она твердо пообещала себе, что в следующий раз во время игры в железную дорогу обязательно придумает, как мальчику с автоматом на груди перебраться на другой перрон, где на розовом балконе его уже так давно ждет белокурая девочка.

Красивые мыши

I

Спорткар просвистел по шоссе мимо сверкающей на солнце таблички с названием города. Взвизгнули тормоза. С тем же свистом кабриолет сдал назад и остановился перед указателем. Из машины раздалось короткое «ха!», шелкнула камера в телефоне, и спорткар полетел дальше.

Джон улыбнулся. Посмотрел на часы. Съёмочная группа опаздывала. Он снова уткнулся в смартфон. Микроавтобус «Седьмого канала» подъехал так тихо, что Джон вздрогнул от звука хлопнувшей двери.

– Вы Джон? – спросила телеведущая, хорошо знакомая ему по вечерним новостям.

Он кивнул.

– Отлично, – сказала ведущая, глядя поверх Джона, на вывеску с названием города, – Нудлпопленбуль, Калифорния. Вы это по ночам еще и неонем подсвечиваете? – спросила она с улыбкой и, не дождавшись ответа, продолжила: – А вот это уже интересно.

Ведущая указывала своим спутникам на подпись под названием: «Город без детей».

– Да, – дежурно ответил Джон, – это мы и есть. Добро пожаловать.

II

– Вы сначала покажете мне город. А потом уже к мэру. Хорошо? – ведущая решительно вела Джона под руку к микроавтобусу. Все ее вежливые вопросы были риторическими.

Джон забрался в минивэн «Седьмого канала», напоследок бросив тревожный взгляд на свой припаркованный у обочины Ford Mustang.

– К вашей машине мы вас на обратном пути подбросим... – успокоила его ведущая.

Пока они ехали к центру, им навстречу попалось несколько бегунов в облегающих трико.

– Мне надо поднять подводки, – сказал оператор.

– Останавливаемся, – скомандовала ведущая.

Все вышли из микроавтобуса.

Пока оператор ловил в кадр бегунов и велосипедистов, которых было не меньше, остальные стояли в сторонке.

– Присесть бы, – жалобно отправил запрос в космос водитель.

– Профессиональный навык, – съязвила ведущая, – стоя перемещаться уже не может. Кстати, я что-то не вижу скамеек. Это же вроде центральная улица, променада?

– Их здесь принципиально нет, – прокомментировал Джон.

– Во всем городе? – еще жалобнее спросил водитель.

– Распоряжение мэра. У нас не должно оставаться времени на скамейки, – объяснил Джон.

– Все только бегом? – саркастически заметила ведущая.

– Или на велосипеде, – безо всякого сарказма ответил Джон.

Оператор закончил, и они отправились дальше. Джон едва успевал отвечать на вопросы спутницы.

– А это что за здание?

– Это театр, бывшее здание школы.

– И группа своя имеется? Или приглашаете?

– Приглашаем редко. Труппа у нас своя. Играют наши местные ребята из тех, кто работает в Голливуде. Каждые выходные, плюс театральный фестиваль проводим.

– А школа вам, получается, теперь без надобности?

– Совершенно верно.

– А это что за здание?

– Кинотеатр.

– Детских фильмов, конечно, нет?

– Ну почему же. Бывают. Старички наши смотрят.

– Так, это ресторан, понятно. Опять ресторан. Еще один. Сколько же их у вас?

– С десяток, наверное. Я не считал, если честно.

– С десяток? На несколько сотен жителей? Ну вы и любите здесь пожрать, уж простите,

Джон.

– Во-первых, это все разные кухни. Во-вторых, из нас почти никто не готовит дома.

– ОК. Это что, опять кинотеатр?

– Это драйв-ин.

– Я понимаю. Но все же, два кинотеатра? На те же несколько сотен. Я правильно считаю?

– Мы все много работаем.

– Кстати, Джон, а кем вы работаете?

– Я возглавляю дизайн-лабораторию одного айти-монстрика здесь, в Силиконовой долине.

– Форд Мустанг, да?

– Еще Рэнглер, у жены Мерседес купе; в нашем доме три этажа, пять спален, два бассейна.

Мы здесь все неплохо зарабатываем.

– А это что за дома слева в низине?

– Там живут наши старички. Мы этот квартал называем резервацией бабушек. В шутку, конечно.

– Что же вы с дедушками сделали?

– Все нормально с ними. Бабушек у нас больше, так и называли. Дедушки тоже имеются в наличии, можем предъявить. Есть такие, сами рады не будете...

– Понятно. Там пансион для престарелых или как?

– Нет, там частные дома. Хорошие, современные. Мы сами строили. В этой части города у многих из нас живут родители. Старшее поколение существует здесь в своем черепашем режиме, сами понимаете. Мы их не подгоняем, они нас не тормозят. Это тоже наше принципиальное решение.

Наконец ведущая попросила ехать в мэрию. Она уже почти ни о чем не спрашивала Джона. Лишь однажды он рассказал ей о заброшенном магазине игрушек. На него было трудно не обратить внимание: на плоской крыше здания располагалась миниатюрная железная дорога. Она не работала. Локомотив свисал с козырька крыши, как в фильме-катастрофе. Высокие витрины были задрапированы старыми газетами и журналами. Кое-где из кладки выпали кирпичи.

– А почему не сносите?

– Из-за мистера Кида. Есть тут у нас такой вредный старичок. Он много лет был хозяином этого магазина. У него еще наши родители нам игрушки покупали. Мистер Кид не разрешает сносить. Продавать землю тоже не хочет.

– Мистер Кид – хозяин магазина игрушек... Это псевдоним?

– Нет. Зовут его так. Интересный персонаж. Всю жизнь продавал игрушки, а своих детей так и не завел. При этом он самый яростный критик нового уклада. И где, спрашивается, логика? Формально же он ничем не отличается от нас.

– И как же он критикует?

Джон внезапно скорчил страшное лицо и начал конвульсивно трясти руками.

– Джон, простите, но вы и так не Мэл Гибсон. Не усугубляйте.

– Ну, эмоционально критикует. Правда, в рамках установленных процедур.

– Как это понимать? Истерика по регламенту, что ли?

– Мистер Кид заседает с нами в городском совете. Его основная функция в этом органе – бесить нашего мэра. Их там двое таких в совете: мистер Кид да его закадычный дружок, мистер Чеснат. Тоже буйный дедулька. Всю жизнь владел местной транспортной компанией по вывозу и утилизации мусора. Директор нашей загородной свалки, одним словом. Новых технологий переработки не принял. И когда мы всей коммуной перешли на зеленое потребление, разорился. Теперь к нам за отходами приезжает специализированная клининговая компания из соседнего города. Так и выступают оба по очереди: один требует вернуть детей в наши дома, другой – мусор на наши улицы.

Они уже почти прибыли на место, когда неожиданно уперлись в автомобильный затор.

– Что там, Джон? Пробка из бегунов? – сострила ведущая.

– Да это... Ничего особенного. Давайте объедем. Я покажу, как лучше объехать, – Джон изменил своей размеренной манере рассказа и суетливо залепетал.

Ведущая сразу это заметила.

– Ну-ка, подъезжай ближе. Посмотрим, что там... – скомандовала она водителю.

III

Впереди, за несколькими машинами, медленно маневрировала гигантская колесная платформа, прицепленная к грузовику. Она перекрыла улицу целиком, от края до края. На платформе стоял небольшой двухэтажный ярко-розовый дом, с окошками, трубами и верандой. Тем временем Джон сбивчиво объяснял водителю пути объезда.

– Джон... – призывно обратилась к нему ведущая с хитрой улыбкой.

Джон еще быстрее затараторил над ухом водителя.

– Джо-о-он! – почти выкрикнула ведущая.

– Ладно, ладно, – сразу сдался Джон, – это такой наш маленький дурдом. В каждом городе он есть. В большом городе – большой дурдом, в маленьком – дурдом поменьше. Могу рассказать не для эфира. Без «поднять»!

На последней фразе он силой усадил оператора обратно в кресло. Тот уже приготовился выпрыгивать с камерой.

– Договорились, рассказывайте, – согласилась ведущая.

– Тема деликатная, касается нашего мэра, – начал Джон не без скрытого энтузиазма. – Наш мэр, мисс Пола, девушка привлекательная. В нее уже много лет, что называется со школьной скамьи, безнадежно влюблен один наш местный житель по имени Пол. Все эти годы он так грандиозно ее добивается, но пока безрезультатно...

– И как это, скажите на милость, «грандиозно» он ее добивается? – вдруг перебила Джона ведущая. – «Грандиозно». Слово-то какое нашли. Цветы ей присылает? Эти пошленькие сердечки из роз? Начитывает Уолта Уитмена на автоответчик?

Ведущая явно выдала в эфир что-то личное, из эмоционально исподнего. Оператор с водителем, видимо о чем-то осведомленные, весело переглянулись.

– Ну как грандиозно... – в задумчивости продолжил Джон. – Во-первых, он ради нее сменил имя. Был Бенедиктом, стал Полом. Как Маккартни. Пола и Пол, понимаете? Внес изменения на астрологическом уровне. Дал карме ускоряющего пинка, образно говоря.

– Что ж, это хотя бы оригинально... – уже несколько неуверенно прокомментировала ведущая.

А Джон продолжал:

– Во-вторых, чтобы произвести впечатление на Полу, он стал мультимиллионером.
– Нормально! – искренне удивился оператор. – А старые дедовские способы: побриться там, помыться – уже все, не работают, что ли?
– А в-третьих, – не сдавался Джон, – он последние несколько лет гонится за ней на своем доме.

Джон торжествующе оглядел минивэн.

– ОК, мы поражены и ошеломлены, Джон. Давайте, пожалуйста, без этих мелодраматических пауз, – напутствовала его ведущая.

Джон несколько разочарованно объяснил:

– Пол нанимает специальную грузовую платформу, погружает на нее свой дом и перевозит его к дому Пола. Сгружает свой особнячок как можно ближе к ее владениям, насколько позволяет ландшафт. Но Пола у нас не менее упряма: заказывает тех же людей, они грузят ее дом на ту же платформу и увозят в другое место, подальше от Пола. Процесс повторяется с завидной регулярностью. В данный момент мы с вами как раз это и наблюдаем. Вот платформа. А на ней – дом Пола, в очередной раз делает ноги. Мы его называем «дом-шатун».

– Ладно, Джон, – наконец сдалась ведущая, – согласна, это действительно грандиозно. Поехали к вашей Поле.

IV

Мэрия располагалась в ультрасовременном здании в стиле хайтек. Оно было полностью стеклянным и насквозь прозрачным. На первом этаже мэрии в гигантской витрине висела широкая плазменная панель, на которой демонстрировались какие-то фотографии. На втором этаже располагались кабинеты мэра и членов городского совета. Прозрачность власти буквально некуда. Из кабинета по центру им приветливо махала рукой Пола.

Интервью решили провести на открытом воздухе, перед зданием мэрии.

Оператор установил камеру так, чтобы в кадр на заднем плане попадала витрина с плазменной панелью. Ведущая и Пола уже заняли свои места на плетеных стульях напротив друг друга. Пока оператор делал последние приготовления, дамы успели поучаствовать в классической ковбойской перестрелке взглядами. Обе были убиты наповал. Пола решила, что ведущая в жизни выглядит хуже, чем на экране; ведущая про себя отметила, что тридцатилетней (Джон проболтался по дороге) Поле дашь все пятьдесят: бедняжка, каторжный труд. Женщины остались довольны фиаско друг друга, и теперь ничто не мешало им мило улыбаться собеседнице.

Джон и несколько человек из городского совета расположились за спиной оператора, и запись интервью началась.

– Пола, сразу хочу задать вам главный вопрос. Как вы догадываетесь, из многочисленных маленьких городков Америки мы выбрали именно ваш не просто так. Я не буду спрашивать, что значит название вашего города...

– Спасибо за вашу доброту...

– ...но что означает девиз под ним: «Город без детей»?

– «Город без детей» – это наша философия и наша политика как коммуны. Демографически сложилось так, что большинство жителей в Нудлпоппенбуле – это молодые люди. Тридцать – сорок лет назад здесь, в Нудлпоппенбуле, случился настоящий беби-бум. Дети лезли на свет буквально из каждого угла. В какой-то момент мы, молодое большинство уроженцев Нудлпоппенбуля...

– Пола, помилосердствуйте... У нашего оператора камера прыгает от приступов хохота...

– Я перестану, если вы скажете, что запомнили... Хорошо, давайте серьезно. Итак, однажды мы, молодое местное большинство, приняли единодушное решение не связывать свою жизнь с рождением детей. Мы все убеждены в том, что задача индивида – максимально

реализовать свой потенциал здесь и сейчас, наиболее эффективно в условиях неудовлетворительно ограниченной продолжительности человеческой жизни. Дети – это инструмент эволюции человечества в ущерб эволюции конкретного человека. Тиражировать себя, чтобы впоследствии отказаться от своей личности в пользу копии, – мы считаем такой подход нерациональным.

– Пола, переводя с вашего академического языка: дети – это обуза на пути к карьере?

– На вашем языке это звучит как скучное клише. Я же хотела донести до вас несколько больше этого – нашу идеологию. Но да, по сути ваша формулировка отражает наш подход.

– Вы рассказали о том, как все вместе приняли такое решение. Это случилось в одиночестве? Что предшествовало этому моменту? Вас всех что, накануне массово дети покусали?

– Вы так остроумны. Позвольте мне не смеяться над каждой вашей удачной шуткой, а то тушь потечет, спасибо. Да, решение мы приняли одномоментно на расширенном заседании городского совета, на второй год моей деятельности как мэра. Но этому предшествовала долгая подготовительная работа. Я собрала кружок единомышленников еще во время учебы в нашей местной школе. Со временем наши взгляды стало разделять все больше жителей города...

– Вы были Королевой бала? В школе?

– Нет. Лучше. Президентом школьного совета.

– И прекрасно учились?

– Да.

– Вы учились в школе настолько хорошо, что после окончания даже сумели ее закрыть?

– Это было общее решение жителей и городского совета.

– Наверняка не все до единого разделяли вашу, как вы ее называете, идеологию.

– Да, но эти люди покинули город.

– Добровольно?

– Безусловно. Это естественный процесс. Кто-то уехал по мотивам, не связанным с новыми правилами общежития в коммуне. Несколько пар завели детей и покинули нас из-за отсутствия инфраструктуры.

– Пола, означает ли ваша личная история с Полом, что наряду с деторождением вы также отвергаете институт брака?

– Джо-о-он!

– Пола, я не виноват. Твой дом снова раскорячился посреди дороги...

– Пола, простите Джона. Мы пытали его в нашем микроавтобусе маленькими детьми.

Не отвечайте, ваше право.

– Ну почему же... Если я не отвечу, вы можете превратно истолковать нашу идеологию. Наши ценности в отношении любви и брака вполне традиционны. Никаких особенностей. У нас много семейных пар. Например, наш Джон, как это ни странно, тоже женат. Мой случай – это мой случай. Частная история, каких тысячи...

– Ну да. Ухажер-мультимиллионер, который преследует свою возлюбленную верхом на доме. Вполне типично. История моей жизни.

– ...

– Большинство из вас отказалось от детей. Стоит ли игра свеч? Какими жизненными достижениями вы все можете похвастать?

– На этот вопрос вам ответит плазменная панель за моей спиной. На ней размещаются фотографии, которые иллюстрируют достижения жителей нашего города.

– Это какие? «Я и трехметровая рыбина». «Я и Ниагарский водопад». Такие?

– Нет, не такие. «Я и Брэд Питт». «Я и офис моего собственного технологического стартапа». «Я и моя престижная индустриальная премия». «Я и мой первый миллион».

– Это Пол, наверное, да?

– Нет, Пол – это скорее «я и трехметровая рыбина».

- Ах, вот оно что... Видимо, в этом и есть причина...
- А между тем вы уже во второй раз пытаетесь вернуться к этой теме...
- Простите. Пола, как мне рассказали по дороге сюда, старшее поколение вас не поддерживает...
- Я бы назвала это нейтралитетом. Мы создали для наших родителей и бабушек с дедушками прекрасные условия там, в долине. Джон должен был вам показать. У нас отличная социальная служба и медицинское обслуживание.
- Как вы работаете с оппозиционным мнением?
- Что вы имеете в виду?
- Эти два ваших мистера... Доктор Джекилл и мистер Хайд...
- Мистер Кид и мистер Чеснат – это не мнение. Это два патефона в эпоху смартфонов. У них большая труба, но короткая пластинка.
- Знаете, Пола, так можно почти о каждом политике сказать...
- Тут никакой политики. Чистая ностальгия. А ностальгия – это не программа. Всего лишь эмоция.

V

После интервью съемочная группа и Джон, которого обещали подбросить до его машины, быстро погрузились в микроавтобус и уехали. По дороге ведущая попросила оператора снять несколько планов заброшенного магазина игрушек, для колорита.

Ведущая сосредоточенно разглядывала аляповатое здание со свисающим паровозом и с информативной вывеской на фасаде: «истер ид». Она прикидывала, нужно ли ей по драматургии снять интерьер магазина и просить ли об этом Джона.

– Красивые мышцы, – раздалось у нее над ухом.

От неожиданности ведущая подпрыгнула так высоко, что при наличии соответствующих навыков она легко смогла бы сделать в воздухе сальто. Рядом с ней стоял пожилой мужчина с длинной седой бородой. Если бы не его добрый взгляд, ведущая стопроцентно приняла бы незнакомца за маньяка. Хотя, возможно, это был маньяк с добрым взглядом, сейчас всякое бывает. Джон у микроавтобуса на заднем плане снова скомкал лицо и замахал руками.

– А, – приветливо произнесла ведущая нараспев, – должно быть, вы мистер Кид?

– Точнее, то, что от него осталось, – ответил старичок, указывая на вывеску над магазином.

Ведущая представилась, рассказала о своем сюжете и предложила мистру Киду дать небольшое интервью. На ее удивление, старик моментально согласился.

Пока оператор выставлял кадр и просил мистера Кида подвинуться то вправо, то влево, ведущая подозрительно разглядывала старика. Уж слишком быстро он согласился на разговор под камеру. Репортерская интуиция подсказывала ей, что от таких субъектиков можно ожидать чего угодно. От спонтанного выкрикивания лозунгов до срывания накладной бороды. В богатом журналистском прошлом ведущей был и такой эпизод. Поэтому густая растительность на лице мистера Кида внушала ей некоторое опасение. Наконец оператор закончил приготовления, дал команду работать и включил камеру.

– Красивые мышцы, – повторил мистер Кид.

«ОК, – подумала ведущая, – это будет короткое интервью».

– Вы знаете, что такое красивые мышцы? В шестидесятые годы ученые провели уникальный эксперимент над грызунами. Им создали мышинный рай на земле, в одной отдельно взятой коробке... Символично, правда? Как только нам обещают рай на земле, то обычно в финале оказывается что-то вроде пустой картонки... Полное мышинное изобилие: еда, вода, тепло. В результате в этом раю выделилась особая группа грызунов, которые перестали бороться

за ресурсы. Они не участвовали в драках за пространство и пищу. Поэтому на них не было укусов и шрамов. Эти особи оставались чистенькими и пушистыми. Ученые назвали их «красивыми мышами». У этих красивых мышей была еще одна отличительная особенность: они не размножались.

Ведущая услышала над ухом шепот оператора, который располагался за ее спиной:
– А дедулька-то тренькает.

Она равнодушно посмотрела на старика. В консерватизме старости, что бы та ни проповедовала, нет никакой сенсации. А в истории с Полой и ее чокнутым в пределах современной нормы городишком сквозил жирненький такой сюжетец. Передача уже почти полностью смонтировалась в голове у ведущей. И мистеру Киду в ней места не было.

– Наши ребята, и Джон, и Пола, и все остальные из этой секты – они ведь росли прекрасными сорванцами. И хулиганили, и дрались, и игрушки у меня из-под носа в магазине таскали. Прелесть, а не малыши. Как они стали такими... такими гаджетами? Это все проклятый дух времени... Мы с вами живем в век духовного мусора. Люди натаскали в свои дома и души целые мусорные свалки разных идей и убеждений. Вам, молодым, в наши дни сменить мировоззрение – как насморком переболеть. Вы примеряете новые идеологии, как джинсы в магазине. Поносили немного, а как только те выйдут из моды или станут задницу натирать, напяливаете следующие. Сегодня вы только траву жуете, а чрез пару лет, глядишь, поросят целиком глотаете. Тех, кого вчера на стенку вешали, завтра будете к стенке ставить. После этих ваших стэнфордов и оксфордов вы все – клинические рационалисты. Не оставляете чуду ни шанса. А все главные вещи в жизни происходят только чудесным образом. Встречи, открытия, любовь, дети. Чудо.

– Мистер Кид, я вам, конечно, благодарна за такой комплимент. Но вы совершенно напрасно причисляете меня к поколению Пола и Джона. Я значительно старше. И вас хорошо понимаю... – ведущая попыталась произнести это максимально доверительно, чтобы побыстрее заткнуть несенсационного, да еще и вдобавок нефотогеничного деда.

– Нет, не понимаете. Вот вы сейчас там у себя на канале этот сюжет покажете. Как думаете, сколько ваших придурков пожелает к нашим присоединиться? А если эти новые придурки какие-нибудь новые идеологические болезни сюда привезут, еще более экзотические? С нашими чайлдфри, допустим, я знаю, как бороться. Есть у меня один план. Теперь только из-за вашего сюжета мне ускориться придется. А если к нашему чайлдфри другой какой-нибудь «фри» прибавится? Олдфри, например? И «резервация бабушек» станет уже не просто названием. Обнесут нас забором и будут через него сырое мясо кидать. Не жалко вам нас, а?

Ведущая сослалась на спешку и закончила интервью.

Микроавтобус вырливал от магазина на центральную улицу. Через заднее стекло было видно мистера Кида. Он стоял на том же месте, где с ним попрощались: покосившийся и бесхозный, как паровоз за его спиной на крыше.

Джона наконец доставили до его прикорнувшего у обочины Мустанга. Он прыгнул в авто и еще успел в этот день доехать до работы и даже засидеться там допоздна...

VI

...В Нудлпоппенбуле показ сюжета по телевидению прошел практически незамеченным. Джон немного расстроился, что ведущая не использовала в программе интервью с мистером Кидом. В душе он симпатизировал нелепому старику. А Пола лишь заметила, что ее плохо сняли: по ее мнению, на экране она выглядела старше своих лет.

На следующий день после выхода передачи, ровно в восемь тридцать утра, Джон отправился на работу. Он постоянно выезжал в это время и обычно за считанные минуты пролетал по пустому городу. Другие жители работали дальше в долине и стартовали раньше него.

Джон уже неплохо разогнался и едва успел затормозить, чтобы не врезаться в большую пробку в центре. Такое скопление машин было для их города чем-то невероятным. Одни припарковались у обочины, другие бросили свои авто чуть ли не поперек дороги. Джон вышел. Он не сразу узнал здание, к которому спешили люди из соседних машин, прибывших сюда непосредственно перед ним. Это был старый, давно заброшенный магазин игрушек мистера Кида. Только сегодня железная дорога на его крыше работала. Паровоз с несколькими вагончиками исправно нарезал круги, весело пыхтя. Кто-то содрал с витрин старые газеты и журналы. Двери в магазин были распахнуты настежь.

Джон не заметил, как очутился внутри. В магазине толкалась целая толпа. Джон удивился, что при этом вокруг стояла комариная тишина. В полумраке он пригляделся и остолбенел.

На длинных полках, идущих рядами позади массивного дубового прилавка, от пола до потолка стояли детские игрушки. Это были сплошь старые, раритетные игрушки, прямиком из его детства. Ни одной современной. Джон с какой-то маниакальной поспешностью разглядывал полки, словно опасаясь, что игрушки сейчас исчезнут, как видение, как очередной мираж Силиконовой долины. Внезапно он замер, и по его венам прокатилась теплая волна крови. Джон увидел большую игрушечную машину на педалях, на которой можно было кататься, как на велосипеде, забравшись сверху внутрь. У него в детстве была такая же. Очень похожа. И, странное дело, сейчас эта машина стояла на том же самом месте на витрине магазина, где Джон много лет назад впервые заметил с улицы свою. Джон не шевелился, завороченный, не в силах отвести взгляд. Внезапно чьи-то руки подняли машину с витрины и опустили ее перед ним на дубовый прилавок. Джон поднял глаза. Напротив него, по ту сторону массивной доски, стоял мистер Кид.

Джон неуверенно потрогал шершавый капот. И вот уже плотина Гувера у него внутри дала трещину и оттуда хлынули воспоминания, неряшливо, прямо на сверкающие полы его нынешних будней. Джон отчетливо вспомнил, как будто всегда это знал, что у его детской машины была глубокая царапина по правому борту, а внутрь игрушечного зеркала заднего вида его отец в шутку приклеил стикер с Терминатором. Джон машинально ощупывал машину со всех сторон. На правой двери его пальцы замерли. Под ними отчетливо ощущалась царапина. Джон наклонился и заглянул в зеркало. Там виднелась потускневшая наклейка с Терминатором. Сомнений больше не было. Джон держал в руках свою собственную игрушечную детскую машину, которую он самолично выкинул в мусорный бак во дворе лет пятнадцать тому назад, перед отъездом в колледж.

Кто-то тихонько дотронулся до его плеча. Джон обернулся и увидел жену. Она протягивала ему медвежонка Паддингтона со следами выведенного пятна за ухом, со стежками белых ниток на шее.

– Это мой Пади, – сказала жена.

Выглядела она при этом абсолютно безумно, как будто только что проглотила радугу.

В этот момент за ее спиной проплыла фигура Пола. Она двигалась сомнамбулически. Джон не мог отвести от нее взгляд. Пола подошла к прилавку и молча встала перед ним. В следующее мгновение мистер Кид снял с одной из полок игрушку зеленой личинки и так же без слов протянул ей. Пола какое-то время вертела игрушку в руках. Джон увидел, как у нее задрожала щека.

И вдруг магазин наполнился светом. Джон смотрел вокруг и не верил своим глазам. Все трое так же стояли перед прилавком – и он, и жена, и Пола, – но только уже маленькими детьми, и мистер Кид, молодой, с аккуратной черной бородой, делал вид, что не замечает, как они утаскивают у него из-под носа игрушку зеленой личинки. Джон был готов окончательно поверить в то, что это не мираж, но тут к ним подскочил старший брат его жены в своем нынешнем гориллообразном взрослом облике. Со словами «А я думал, что тогда оторвал ему башку!»

он выхватил мишку из рук сестры. На макушке брата торчал обшарпанный рыцарский шлем. Лет тридцать назад в него, видимо, помещалась вся его голова. На шлеме отчетливо виднелись вмятины. «Это многое объясняет», – подумал Джон.

Почти каждому посетителю мистер Кид вручал какую-то из его старых детских игрушек. Он делал это молча. Мистер Кид заговорил только с Полой, когда передавал ей жуткую зеленую личинку. Джон хорошо расслышал его слова:

– Вся жизнь я собирал эти старые выброшенные игрушки, чтобы однажды подарить их вашим детям. Чтобы ваши малыши подпитывались от них запасами уникальной энергии. Они ведь такие маленькие электростанции добра, эти старые игрушки. До сих пор у них где-то внутри и ваше тепло, и ваша радость, и ваш смех... Что же теперь с ними делать... не выбрасывать же во второй раз... забирайте себе.

VII

В этот день, когда мистер Кид на несколько часов открыл свой магазин, Джон сильно опоздал на работу. И несмотря на сильное опоздание и гору моментально накопившихся дел, Джону почему-то как никогда хотелось побыстрее уехать с работы обратно домой. Он три раза делал себе кофе на офисной кухне и три раза забывал забрать его из кофемашины...

Джон бросил ключи на комод в коридоре и замер. Ему показалось, что наверху кто-то поет колыбельную. Джон поднялся на второй этаж и распахнул дверь в спальню. Жена стояла у окна спиной к нему и пела колыбельную. Мишка Паддингтон лежал на кровати. Жена не услышала, как открылась дверь. Джон осторожно прикрыл ее обратно.

Джон выкатил детскую машину из гаража на центр двора и в нерешительности застыл над ней. Она блестела, как новенькая: ее отчистили на славу. В какой-то момент у Джона мелькнула безумная мысль попытаться снова залезть внутрь.

Джона что-то смутно беспокоило. Ему захотелось срочно рассказать кому-то о том, какое эта машина на самом деле сокровище, каким богатством он обладал в свои детские годы. Хотелось, чтобы кто-то рядом с ним издал искренний возглас восхищения, как и он когда-то перед витриной магазинчика мистера Кида. Джон перевел взгляд на Ford Mustang, припаркованный в нескольких метрах. На фоне детской машины Ford Mustang показался ему глупой игрушкой.

Вечером Джон долго не мог заснуть и ворочался.

– Джон... Джо-о-он, ты не спишь? Знаешь, я в детстве так плакала после того, как братец-неандерталец порвал моего Пади. Два раза плакала. Сначала, когда папа выбрасывал в мусорный бак его тело, потом – когда его голову.

– Специально?

– Да нет, ты что. Зачем специально, он же не вампира хоронил. Просто папа голову не сразу нашел.

– ...

– Джон... Джо-о-он, не спишь? И как же это возможно – всех запомнить, кому какую игрушку продал за все эти годы...

– ...

– Джон... Джо-о-он, ты видел, сколько сегодня в магазине было народу? Он же почти всем что-то дал, почти каждому. Поле личинку эту смешную, помнишь ее?

– ...

– Джон... да проснись ты уже... А как же он все эти игрушки находил... не по мусорным же бакам лазил...

– Ну, сам не лазил. А другие лазили. Не по бакам только... По бакам – это и долго, и трудоемко... а на свалке в самый раз... все в одном месте.

– На какой свалке?

- ...с кем мистер Кид дружит всю жизнь...
- А... А-а-а! Мистер Чеснат! Мистер Чеснат! Мистер Чеснат! Мистер Чеснат и Ко, уборка и вывоз мусора. Телефон...
- Ты замолчишь уже...
- Замолчала.
-
- Джон... Джо-о-он, ты не спишь? А ты видел, как мило он мне Пади зашил? А как тебе машину отполировал... А как Поле личинку выстирал...
-
- Джон, можно я Пади между нами положу? Ему страшно там одному. Ложись, Пади. Папа разрешил. Папа добрый...

VIII

Огненно-красный кабриолет осторожно вырулил на центральную улицу Нудлпоппенбуля.

Девушка с лягушачье-зелеными волосами отчитывала парня за рулем:

– Я тебе точно говорю, ты не с той стороны въехал. Где указатель этот смешной? Мы же его не проезжали.

Парень невозмутимо смотрел вперед. Его спутница не унималась:

– Нам нужна мэрия, понимаешь. Кто-то из городского совета. Лучше сам мэр, конечно, эта Пола... А вдруг они больше к себе не принимают? Целых восемь месяцев с того сюжета по «Седьмому каналу» прошло, тормоз, тормоз. Да не жми ты на тормоз, на газ жми, тормоз – это ты, ты – тормоз.

Водитель снова нажал на газ.

– Смотри, смотри, вон этот магазин игрушек заброшенный. Помнишь, его показывали? С этим смешным паровозом на крыше... Когда же его снесут уже, это уродство? – причитала девушка с лягушачьей прической. – Слушай, а что мы им скажем? Что скажем? Что видели передачу, интервью, что все понравилось... Да? Мол, хотим стать частью вашей коммуны... что мы тоже за город без детей. За без детей город... Тормоз! Да не ты тормоз, теперь жми на тормоз, ты, тормоз!

Огненно-красный кабриолет остановился. Лягушонок смотрела вслед проходящей мимо девушке, чуть не свернув себе шею:

– Это что такое? Ты это видел? Она беременная, что ли??? Беременная – здесь? Показалось, скажи, показалось, да?

– Нет, не показалось, – наконец, ответил водитель развернуто. – Смотри, вон еще одна, там, на скамейке. И вон одна.

Они проехали немного вперед, и на коротком отрезке длиной не больше километра им встретилось сразу несколько беременных женщин.

– Карнавал у них, что ли... – предположил парень.

– Ничего не понимаю, – периодически подпрыгивала его спутница. – Давай здесь спросим, – предложила лягушонок, – ближе подъезжай. Остановись.

Они припарковались возле странного сооружения. Два дома, один побольше, другой поменьше, один серый, другой ярко-розовый, расположились в линию вплотную друг к другу, буквально стена к стене. Как будто их склеили вместе. На веранде спиной к ним стояла женщина.

– Просите, вы нам не поможете? – крикнула лягушонок.

Женщина обернулась.

– Тьфу ты, и эта беременная, – прошептала зеленоволосая.

И добавила уже громко:

– А как нам найти мэрию?

Женщина приветливо объяснила им дорогу. Когда огненно-красный кабриолет отъехал от странного двойного дома на приличное расстояние, лягушонок вдруг занервничала:

– Слушай, а это не Пола та самая была? Не мэр их? Очень похожа. Да что «вряд ли». Похожа, говорю, очень. Ну, смотри. Смотри у меня, если это она...

Они приближались к центру города.

– Гляди в оба, – приказала лягушонок, – где-то здесь уже. Ищи стекляшку и большой телик с их достижениями. Помнишь, на его фоне интервью брали?

В следующую секунду кабриолет уперся в стеклянное здание.

– А где телик? – жалобно пропищала лягушонок.

Здание мэрии стояло на том же месте, что и восемь месяцев назад. Оно почти не изменилось. Вот только вместо плазменной панели в гигантской витрине расположились различные товары на полках. Было ясно, что теперь здесь разместился магазин. Парочка перевела взгляд выше. Над витриной веселыми огоньками мигала вывеска:

«Мистер Кид. Товары для новорожденных».

Огненно-красный кабриолет стоял на выезде из города, пропуская колонну из нескольких трейлеров – домов на колесах. Трейлеры заворачивали по направлению к центральной улице.

– Да вот же эта табличка! – закричала лягушонок. – Говорила же тебе, мы не с той стороны въехали.

Они оба с тоской посмотрели в сторону указателя.

Около него стояли двое ребяташек и хохотали. До парочки долетали их довольные вопли. Мальчишки попеременно безуспешно пытались произнести «Нудлпоппенбуль». На табличке красовались неоновые буквы с названием города. Под ними все было щедро замазано толстым слоем белой краски.

Баббо Натале

I

– Цель поездки?

– Туризм.

Пограничник в Шереметьево невозмутимо поставил штамп. Ему хоть туризм, хоть бизнес, хоть паломничество, хоть разврат. Все кончается одинаково. Все возвращаются.

В самолете белых воротничков почти не было, преимущественно – пестрые шарфы. Двадцать третье декабря: русские перелетные хипстеры потянулись в рождественскую Европу. Запивать каштаны глинтвейном.

Я направлялся в Рим. А оттуда, на перекладных, вглубь страны. В такую глубь, что там про Рим знают только понаслышке. И вот он, мой любимый Порчеллино.

Уже пятый год подряд я приезжал в этот маленький итальянский городок на Рождество. Это сам маленький итальянский городок так себя называет – «городок». Из гордыни, с запасом. С очень большим запасом. На самом деле Порчеллино никакой не город, а самая настоящая деревня. Маленькая деревня с большим комплексом неполноценности.

Во-первых, из-за названия. «Порчеллино» по-итальянски – «поросенок». Не свинья, все же более пристойно – поросенок, но в округе за жителями Порчеллино испокон веков закрепилось прозвище «свинопасы». Они страшно обижаются. Хотя, по некоторым данным, в этом местечке в прошлом действительно пасли свиней. Но что такое прошлое для широкой души итальянца? Тьфу, мелочь. Сами жители деревеньки утверждают, что у них останавливался Данте. Не меньше. Куда ехал Данте через Порчеллино, в целом неясно. За деревенькой и сейчас, в начале двадцать первого века, заканчиваются все дороги мира. Возможно, Данте заблудился здесь по дороге в ад. Это, кстати, утверждают некоторые злые языки.

Во-вторых, комплекс неполноценности развился у Порчеллино из-за того, что неподалеку раскинулся большой и довольно известный город. Раскинулся, не спросив разрешения у Порчеллино. Раскинулся и лежит, наглец, дышит в их небо по ночам неонам.

В деревне большой город так и называют – Большой Город. Пренебрежительно. Не считая нужным снисходить до его названия.

Все свои беды жители Порчеллино связывают исключительно с Большим Городом. Порчеллино, по их мнению, это та пятерня, сквозь пальцы которой в Большой Город утекают блага мироздания: бюджеты, туристы, поезда. К слову, поезда до Порчеллино и правда не доходят, несмотря на формальное наличие железнодорожной ветки. Последний раз рельсы можно увидеть за несколько километров до деревни, дальше они бесследно теряются в густой траве.

А вот Большой Город, в свою очередь, считает, что все беды Порчеллино – от несусветной жадности и межгалактической лени его обитателей. Это мнение косвенно подкрепляется жизнедеятельностью кота Челентано.

Челентано – известный в Порчеллино кот, в свое время прозванный так за свои мартовские эротические оратории. Челентано давно постарел и уже не первый год молчит, не понимая, чего от него хочет весенний солнечный зайчик. Но хотя эротика и осталась навечно погребенной под сводами его юности, прозвище прилипло к коту навсегда.

Кот Челентано известен, прежде всего, тем, что местные мыши сами носят ему еду – сыр. Таким образом они спасают животное от голодной смерти: Челентано не охотится, потому что патологически ленив. Я бы не поверил в эту историю, если бы сам неоднократно не был свидетелем этих подношений. При этом мотивация мышей непонятна. Возможно, это их благодарность коту за то, что он не пользуется своим правом хищника. Или же грызуны чисто

инстинктивно сохраняют природный баланс: если есть мыши, должен быть кот. По сути, мыши Порчеллино завели себе собственного кота. Челентано уминает сыр за обе щеки, хотя пармезан не самое очевидное питание для кота. Он делает это в силу еще одного качества своей натуры, также принявшего патологическую форму – жадности. На непрофильных для своего пищевого рациона сырах Челентано отъел себе солидные пороссячи бока. Одним словом, если даже кот в Порчеллино похож на поросенка, как тут злым языкам не развязаться.

Порчеллино не всегда был покрыт невидимой ряской. В свое время и рельсы исправно доходили до его центральной площади, и Челентано гонял мышей. Когда-то Порчеллино был густо населен: старожилы помнят очереди и толчею на рынке. Закат некогда процветающей коммуны начался с расставания Роберто и Роберты. А не по экономическим причинам, как может показаться скучным реалистам. В этом мифе – вся соль местных свинопасов с их неисправимым романтизмом.

Роберто и Роберта были самой красивой парой Порчеллино. Одно созвучие имен чего стоит: это вам не какие-то там Ромео и Джульетта. Они дружили едва ли не с колыбели. С самого детства, с первых ссор и метания игрушек друг в друга эти двое уверенно шли к алтарю. Горожане со слезами умиления наблюдали за их вечной юношеской любовью и мысленно рассыпали перед ними лепестки роз. Роберто и Роберта поступили в один университет в Большом Городе, еще в те доисторические времена, когда он не был Большим Городом и в Порчеллино его называли по имени.

Роберто выучился на археолога и начал раскопки в окрестностях Порчеллино. «Ищет следы Данте», – умилялись старики. Роберта пошла работать в городской музей. До ее прихода там под видом древностей выставялась утварь, выброшенная местными жителями из окон во время ссор. После появления Роберты экспозиция значительно расширилась. Она привозила экспонаты из Большого Города и даже из Рима. Но настоящей жемчужиной новой музейной коллекции стали находки Роберто, которые он щедро передавал своей возлюбленной с пылу с жару, из щедрой на историю итальянской земли. Среди них не было следов Данте, но встречались вполне интересные экземпляры.

Об их помолвке до сих пор шепчутся платаны на центральной площади. Роберта была в белом платье, Роберто – в белом костюме. Когда они обнимались, то сливались в одно белое светлое пятно: их тел было не различить. До алтаря они не дошли.

Где затонувшая Атлантида, кто убил Кеннеди и почему расстались Роберто и Роберта – некоторые вопросы так навсегда и останутся без ответа.

Роберто забросил раскопки, стал профессором и теперь каждый день ездит на перекладных в университет в Большой Город. Роберта дослужилась до директора местного музея. Хотя «дослужилась» – слишком сильное слово, благо конкурировать ей пришлось бы разве что с котом Челентано, жившим при музее, но тот в директорское кресло не метил (как не метил он уже и всего остального). Новых экспонатов от Роберто не поступало, и музей захирел. Современная Роберта проводит рабочий день рядом с черепками, в каком-то смысле и своего счастья тоже. Сталкиваясь на улочках Порчеллино, эти двое теперь даже не здороваются. Они встречаются взглядом так, будто чокаются бокалами в ненависти – только осколки летят.

Но за красивой мифологией, к разочарованию романтиков, стояла-таки экономика. Дело в том, что мэр деревеньки в гробу видал и экономику, и хозяйство, и деревеньку, и свое мерзкое мэрство в целом. Его так и прозвали «мэр Порчеллино» – мэр Поросенок. Он толще кота Челентано, а это о многом говорит. Кругленький, розовенький, пыхтящий одышкой, неповоротливый, на коротких ножках – плоть от плоти своей деревни. Несправедливо утверждать, что мэр Порчеллино ничего не делает для своего города. Он делает. Он делает сайт. Уже третий год мэр собственноручно делает сайт деревни на бесплатном конструкторе сайтов. Первый год он выбирал фон. Второй год он выбирал шрифт. На третий год мэр Порчеллино, наконец,

разместил на сайте первую информацию – про городской музей. Роберте, правда, было все равно. А коту Челентано – и подавно.

Все прочие обитатели этого последнего круга ада, на котором заблудился Данте, по неформатности не уступают своему мэру. Мой самолет уже пробил лбом московские облака и по-птичьи встал на крыло, так что я мог блаженно растянуться в кресле, перебирая в памяти драгоценную (для меня) россыпь милых чудачков Порчеллино. В предвкушении скорой встречи, в качестве аперитива к ней.

Первым делом я, конечно, вспомнил старушку Инганнаморте. Старушка Инганнаморте настолько стара, что поговаривают, будто это именно она видела в окрестностях Данте. Пожилая женщина не выходит из дома, сколько ее помнят. Ее содержит муниципалитет. Ей приносят продукты из местного магазинчика. Старушка Инганнаморте круглые сутки сидит у открытого окна своего дома возле центральной площади. С ней проживает собачонка, такая же древняя. Силы давно покинули четвероногую, и вместо лая животное шипит. С собачкой гуляют жители Порчеллино. Время от времени старушка Инганнаморте извлекает псину из недр своей пещеры и через окно передает ее первому встречному прохожему на улице. Прохожий выгуливает моську и тем же способом возвращает недовольно шипящую четвероногую субстанцию хозяйке.

Старушка Инганнаморте не просто сидит целыми днями у окна. В этом не было бы ничего странного, в конце концов так сидит половина жителей Порчеллино почтенного возраста, а старушку Инганнаморте считают именно что странной. В таком местечке, как Порчеллино, нужно очень сильно постараться, чтобы прослыть странным. Все дело в том, что старушка Инганнаморте сидит у своего открытого окна с огромным армейским биноклем цвета хаки. Для всех остается загадкой, как ей удается удерживать это оптическое чудовище в своих трясущихся руках. Некоторые из аборигенов так и не смогли привыкнуть к тому, что их в упор разглядывают в гигантский бинокль, когда они проходят мимо окон старушки. Остроумные старики, торчащие вместе с голубями на центральной площади, шутят, мол, вон, смерть опять выбирает себе жертву в четыре глаза. А возможно, и не очень остроумные. Потому что мнительная молодежь от этих слов каждый раз вздрагивает.

Следом за старушкой Инганнаморте в моей памяти возникла колоритная фигура синьора Герра, хозяина местной гостиницы. Если бы мы жили в Древней Греции, я бы сказал, что синьор Герра – это бог жадности. «Человек с зашитыми карманами» – говорят про него в Порчеллино. Он разговаривает с тобой, стоя полубоком, как бы пряча что-то в нафталиновых складках своей души. Приезжая в Порчеллино, я каждый раз останавливался в самом маленьком и затрапезном номере его гостиницы, практически в конуре, несмотря на то что остальные номера вечно пустовали. Синьор Герра ни разу не предложил мне переселиться, хотя я платил за конуру довольно приличные деньги даже по меркам Большого Города. В его случае это был бы слишком широкий жест, настолько широкий, что в результате синьор Герра просто разошелся бы по швам.

Конкурировать в жадности с синьором Геррой под силу только таксисту Феррари. При первом знакомстве с ним я подумал, что это прозвище досталось ему от местных острословов. Но оказалось, что это не прозвище, а настоящая фамилия, довольно распространенная в Италии. Определенно про таксиста Феррари можно сказать только одно: в гонки «Формула 1» его бы не взяли. Потому что трудно взять в гонки человека, который отказывается ездить за рулем. Весь свой рабочий день Феррари просиживает на стуле возле своего такси, припаркованного у гостиницы синьора Герра, и никуда не едет. Поездка на его такси стоит как билет на Луну у Илона Маска. От такой интенсивной «работы» у автомобиля Феррари периодически спускают колеса. Считается, что Феррари установил астрономический ценник из жадности в пику гостиничным расценкам своего доброго недруга синьора Герра. Он не мог позволить себе продешевить и брать за свои услуги мелочь возле такой дорогой гостиницы. Так вдвоем

они и процветают бурьяном: отельер, который никого не селит, и таксист, который никого не возит.

Чудаковатости на палитру странностей Порчеллино добавляет и единственный в округе ресторатор, владелец остерии Месье Мишлен. Вот это уже точно не настоящее его имя, как можно догадаться. До мишленовской звезды местной остерии так же далеко, как коту Челентано до самого Челентано. Непросто получить звезду Мишлена, если в твоём меню – одна пицца. «Одна пицца» – имеется в виду не «только пицца», а буквально: один вид пиццы, и больше ничего. То есть суммарно – одно блюдо. Возможно, именно на этом рационе и распух мэр Порчеллино. При этом у Месье Мишлена есть существенный баг: он слишком худощав для повара. Старики в остерии постоянно ворчат про то, как можно питаться у повара, который не может сам себя накормить. Мэр Порчеллино и тот больше годится на эту роль, со своими весомыми достоинствами, свисающими со всех сторон его шарообразного тельца.

Единственный нормальный ненормальный в Порчеллино – это Баббо Натале. «Баббо Натале» по-итальянски – «Рождественский дед», аналог нашего Деда Мороза. Этот персонаж действительно выделяется, даже на фоне замысловатой местной фауны. Огромный старик с окладистой бородой, высокий, широкоплечий, похожий на фотографии Хемингуэя. С какими-то гигантскими ладонями, на каждой из которых можно приготовить по пицце для остерии Месье Мишлена. И, судя по взгляду Баббо Натале, в этом человеке заключается столько тепла, что его бы точно хватило на приготовление этой самой пиццы. Свое прозвище Баббо Натале получил не от стариков с площади, а от местной детворы.

Баббо Натале, пожалуй, единственный во всем Порчеллино, приносит реальную пользу коммуне. Он известен, прежде всего, как мастер, мастер на все свои большие руки. И столяр, и кузнец, и краснодеревщик, и слесарь. Все, что человеку под силу произвести руками в материальном мире, старик умеет. Он делает новое и чинит старое. В его мастерской на самой окраине города скопилась вся история Порчеллино: немые граммофоны, часы с обезумевшими кукушками, накуковавшими себе вечность, мотоциклы с коляской без коляски, печатные машинки со стертymi клавишами, гитары без струн, дисковые телефоны с замурованными внутри голосами. Ушедшие поколения городка до сих пор живут в удивительной мастерской, бок о бок с Баббо Натале, в старых вещах. Пожилой мастер должен страдать от нынешнего запустения Порчеллино больше других: он еще застал все эти вещи работающими.

Есть за душой у старого мастера еще один, особый талант, снискавший ему любовь всех маленьких обитателей Порчеллино: Баббо Натале мастерит игрушки. От кукол и солдатиков до железных дорог и маленьких домиков. Причем эти игрушки он раздает детям бесплатно. Ни с кого и никогда Баббо Натале не брал денег за свои игрушки. Даже после того, как детвора однажды случайно разбила его витрину. Они долго не решались прийти к нему, а когда, наконец, через несколько дней заглянули в мастерскую, стекло было на месте, а каждого из них ждала новая поделка. Баббо Натале родился задолго до появления на земле зла. Он не пострадал.

Мэр Порчеллино и старики с площади неоднократно предлагали Баббо Натале переехать из его мастерской на окраине в просторное помещение в самом центре. И ходить к нему стало бы ближе, да и ему престижа больше. В ответ на уговоры Баббо Натале лишь улыбался всем своим лицом – ртом, глазами, бородой и даже мочками ушей, как только он умеет, – и отказывался. А старики вздыхали с облегчением: они верят в то, что мастерская Баббо Натале на окраине охраняет их деревню от злых духов.

Парад умалишенных Порчеллино замыкаю я. Я оказался достойным приемным сыном клинического городка.

До какого-то момента мою жизнь можно было обозначить одним-единственным словом (немного для целой-то жизни), которое записала в своем дневнике Мария-Антуанетта в день взятия мятежниками Бастилии: «ничего». Я жил стерильной, бесшумной жизнью, идеально

заправленной, точно постель новобранца. Не жизнь, а прямая линия, как на больничном мониторе. Живя так, рискуешь не заметить, что умер. Вокруг – белый шум в телевизоре, когда каналы прекращают свое вещание на ночь. Слишком обычная учеба, слишком нормальная работа, слишком среднестатистические друзья. Настолько слишком, что об этом даже неловко рассказывать в приличном обществе. Одно время я даже пробовал вести дневник. Я вел его полтора года. В итоге получился один бесконечный день длиной в полтора года. Я вырастил в своей душе скуку, как плесень. Я – крайне безынтересный человек. Прежде всего я был неинтересен самому себе.

В моей жизни катастрофически не хватало жизни. Я мечтал о прорыве канализации, о стуке в дверь, об эпицентре торнадо, о выигрыше в лотерею, о метеорите в окно. Я мечтал о нормальном человеческом форс-мажоре, который вернет меня из безсобытийного лимбо в мир живых.

Однажды я попытался прервать эту сансару для нищих и выучил итальянский язык. Люди со скуки плюют в потолок, а я вот выучил итальянский. Это был первый полноценный поступок в моей жизни. Все остальные события укладывались в цепную реакцию падающих домино, запущенную родителями при моем рождении.

А еще через какое-то время я совершил второй поступок в жизни. Я подумал: не пропадать же выученному итальянскому. И решил съездить в Италию, потряхнуть словарями. Но я был и так слишком скучен для того, чтобы путешествовать по путеводителям. Поэтому я придумал внести в свою стройную, 90-60-90, судьбу немного несовершенства.

Я купил настенную карту Италии, самую подробную, какую сумел найти, метр на метр. Повесил ее на стену. Взял в руку дротик от дартс с острым наконечником. И метнул его в карту. Первый раз я попал в обои рядом с картой. Ехать в обои мне не хотелось, чего я там не видел. Насмотрелся я на них до изжоги во время бесцельного лежания на диване. Со второй попытки я попал в карту. Точно и без вариантов. Дротик не удержался в бетонной стене, но оставил гигантскую дырку. Гигантскую дырку на месте Порчеллино.

Так я впервые оказался здесь, в канун Рождества. Местные, которым я честно рассказал, как попал в их городок, попали буквально, дротиком, сразу приняли меня в свои нестройные ряды и стали называть Чокнутым русским. Почти как известный коктейль, чуточку иначе.

В итоге я, конечно, не нашел в Порчеллино того, что искал. Здешняя скука была замурована в фундаментах домов. Местное небо оказалось даже скучнее моих обоев.

Зато в Порчеллино я окончательно слился с фоном. Я встретил здесь своих единомышленников, ценителей серых стен. Порчеллино – это такой запасной кокон для тех бабочек, которые так и не научились летать. Под бельмом местного неба мы превращаемся обратно в гусениц. Поэтому каждый год я и приезжал сюда, снова и снова, встречать Рождество.

Несмотря на свою жадность, жители Порчеллино Рождество празднуют. Возможно, они празднуют его как раз из жадности, чтобы не уступать Большому Городу ни пяди своего безудержного унылого веселья.

Главное событие рождественской недели в Порчеллино – это вертеп на центральной площади. До своей первой поездки в Италию я ничего не знал про вертепы и впервые увидел их как раз в этом городке. Вертеп – это скульптурно-декоративная композиция, сюжетом которой является Рождение младенца Иисуса. Для Италии, как и для некоторых других европейских стран, вертеп – традиционный элемент празднования Рождества.

В Порчеллино такие вертепы каждый год под Рождество в своей мастерской делает Баббо Натале. У него получаются внушительные конструкции, по несколько метров в основании. Их транспортируют на центральную площадь на грузовичке.

В своих вертепах Баббо Натале вполне традиционен. Каждое Рождество он изображает пещеру, а в ней Деву Марию, младенца Иисуса и Святого Иосифа, вола и осла рядом, волхвов с верблюдами неподалеку и над всеми ними ангела, который держит в руке на тонкой про-

волоке Вифлеемскую звезду. Звезда у Баббо Натале – со светодиодом внутри, поэтому она сияет, как настоящая, на радость детворе. Ангел получается у мастера розовощеким, пухленьким, больше похожим на языческого купидона. Наверное, это не случайно, ведь и тот и другой в конечном счете отвечают на небе за любовь. Единственным отступлением от канонов, который допускает в своих вертепах Баббо Натале, является кот Челентано. Его фигурка размещается поодаль от основных действующих лиц, в окружении свиты из мышей. Еще в первый мой приезд Роберта объяснила мне, что в этом нет ничего необычного: в вертепах часто используются местные реалии. Так, в Неаполе в некоторых композициях присутствует, например, Софи Лорен. Но Баббо Натале этим не злоупотреблял и дальше кота Челентано и его мышей свою фантазию ни разу не отпускал.

Вертепы Баббо Натале – это произведения искусства. Фигурки он вырезает из дерева, лица покрывает воском, глаза мастерит из стекла: Дева Мария и младенец Иисус получаются у него настолько живыми, что старики крестятся. Пещеру он выдалбливает из цельного камня, кругом стелет траву и мох и расставляет миниатюрные деревья, сделанные, как ни странно, из дерева.

Мой самолет клюнул носом и пошел на посадку. Я пристегнул ремни и закрыл глаза, мечтая о том, как совсем скоро окажусь среди своих милых умалишенных.

II

– Purpose of your visit?

– Tourism.

Пограничник во Фьюмичино поставил штамп, не поднимая на меня глаз. Чего, спрашивается, смотреть, все равно все эти туристы заканчивают одинаково: все уезжают.

Через несколько часов после этого диалога я уже шагал под мелким комариным дождем вдоль полей в окрестностях Порчеллино. За спиной, помимо самолета, были уже и поезд, и автобус, а таксист Феррари за мной не приехал. Впервые за пять лет. Хотя мы с ним договаривались, и у меня даже было от него электронное письмо с подтверждением. Теперь этим письмом я мог разве что прикрыться от дождика. Неужели совсем заскучал мой Порчеллино, зарос мхом по самое горло, гадал я про себя, шагая. Идти было не меньше часа.

Когда я, наконец, добрался, мои опасения подтвердились. Порчеллино встретил меня пустой центральной площадью. Старички испарились, видимо из-за дождя. По площади вышагивал одинокий голубь, апоплексично дергая головой. Он тоже не находил старичков и не знал, чем себя занять, так как ему не с кем было поговорить.

Таксист Феррари зевнул и извинился, что не приехал, мол, перепутал день. Это было похоже на правду: дни в Порчеллино рождались сплошь близнецами.

Синьор Герра зевнул и извинился, что мой номер еще не готов. Номер для единственного клиента в году. Еще не готов.

Я пошел в остерию подождать и заодно перекусить. Месье Мишлен зевнул и извинился, что сегодня у него только кофе. А где же пицца, хотел было спросить я, но передумал. Мелкий дождик окончательно добил Порчеллино.

В остерии мне рассказали свежие новости: профессор Роберто собирается навсегда переехать в Большой Город поближе к университету, Роберта закрыла музей раньше на три дня, собачку старушки Инганнаморте давно не видно, видимо сдохла, мэр Порчеллино, будучи в творческом кризисе, чуть не удалил сайт города, а Баббо Натале заперся в своей мастерской. В отличие от всего остального, последнее событие встревожило всех не на шутку. Гораздо больше вероятной кончины любимой собачки старушки Инганнаморте. Раньше мастер никогда так не делал. А ведь это было как раз то самое священное для всех время, когда Баббо Натале должен заниматься традиционным рождественским вертепом. В эти дни старик, наоборот,

обычно приглашал всех желающих понаблюдать за своей работой. А там было за чем понаблюдать. Один розовощекий ангел со стеклянными глазами чего стоит.

А вдруг у Баббо Натале тоже творческий кризис, как у мэра, гадали в остерии. Понятно, что без этого мэрского сайта все прекрасно проживут, а вот без вертепа на центральной площади – вряд ли. И вообще, как известно, Баббо Натале со своей мастерской был крепостной стеной на пути у злых духов. Если и он сдался и погрузился в хандру, дорога для черного ветра с гор открыта. Если даже водяной, хранитель болот, загрустил, то хана тогда всем лягушкам, как образно заметил пожилой мужчина за соседним столиком.

Наконец, синьор Герра снизошел до своего единственного клиента и заселил меня в мою привычную каморку. Я скукожился на крохотной кровати и заснул лишь под утро, скрутив одеяло в бараний рог, как всегда в Порчеллино.

Весь следующий день накануне Рождества прошел в тревожном ожидании. Мэр Порчеллино несколько раз ездил на окраину города в мастерскую к Баббо Натале. Мастер его не впустил. Старички на площади собрались тесным кружком и перешептывались. Голуби перестали истерически бродить и тоже сгрудились, прислушиваясь к шепоту над головой. Таксист Феррари периодически поднимался со своего стула и ходил вокруг машины. Роберта зачем-то снова открыла музей и застыла на его пороге памятником всеобщему беспокойству. Сеньор Герра и Месье Мишлен оба вышли из своих заведений и торчали на улице. Старушка Инганнаморте напряженно всматривалась вдаль в свой бинокль. Кот Челентано, и тот о чем-то совещался с мышами.

Дождь внезапно закончился. И в следующую секунду по улице на большой скорости прогрохотал грузовичок по направлению к мастерской. Все, кто еще сидел, встали. Мэр Порчеллино невежливо отобрал у старушки Инганнаморте бинокль и направил его в сторону окраины.

Через полчаса в конце улицы снова появился грузовичок. Он ехал очень медленно. Жители облегченно вздохнули. В кузове под плотным брезентом громоздилось что-то большое. На пассажирском сиденье ехал Баббо Натале.

Городок отправился по домам наряжаться. Рождество все-таки передумало и в последний момент решило прийти в их захолустье.

Вечером на площади было не протолкнуться. По меркам Порчеллино, конечно. Голубям по-прежнему хватало свободного пространства, чтобы бесцельно прогуливаться.

Конструкцию под брезентом уже установили на традиционное для вертепа место. Всем собравшимся показалось, что на этот раз она была больше обычного.

Вокруг царило оживление. Как будто улитке отвесили пендель.

Я стоял в толпе среди местных жителей, и мне их было немного жалко. Каждый год они вот так же приподнимают голову над поверхностью своей лужи, надеясь на что-то (на что? на то, что у лужи внезапно появится выход к морю?), и каждый год ныряют обратно, только ныряют еще глубже, так как потратили слишком много сил на то, чтобы вынырнуть.

Мэр Порчеллино и Баббо Натале подошли к конструкции на постаменте, каждый со своей стороны, и на мгновение замерли. Мне показалось, что Баббо Натале как-то странно посмотрел на мэра, словно предупреждая его о чем-то.

В следующую секунду они синхронно сдернули брезент.

Толпа дежурно зааплодировала и заулюлюкала: на постаменте стоял вертеп. Красивый, сияющий традиционными огоньками, только больше обычного по размеру. Толпа подалась вперед, поближе к инсталляции.

И вдруг улюлюканья стихли. Аплодисменты тоже быстро захлебнулись. Над площадью воцарилась гробовая тишина.

Люди за моей спиной стали нетерпеливо напирать и в какой-то момент придавили меня вплотную к невысокому заборчику, за которым стоял вертеп. Рядом со мной оказалась Роберта.

Сначала собравшиеся разглядывали композицию молча. Затем начали осторожно переговариваться вполголоса, указывая друг другу на что-то внутри вертепа. Я отчетливо услышал, как кто-то всхлипнул.

– О господи! – воскликнула рядом со мной Роберта.

– Что происходит? – спросил я.

– Смотри, смотри! – пробормотала Роберта, показывая на вертеп.

Я вгляделся.

С первого взгляда вертеп был похож на своих предшественников, которых я видел на этой площади в прошлые годы. Те же Дева Мария, младенец Иисус, Иосиф, волхвы, животные, деревья, мох, ангел со звездой. Вот только кота Челентано я никак не мог обнаружить.

Я принялся искать в композиции кота Челентано и вдруг стал замечать что-то новое. По правде говоря, много нового. По всему вертепу были расставлены фигурки каких-то людей, но только не в библейских, а в современных одеждах.

– Что происходит? – снова повторил я.

– Это мы, – тихо ответила Роберта и отвернулась.

Когда она снова повернулась ко мне, в ее глазах стояли слезы.

– Это мы, – продолжила Роберта, – мы, жители Порчеллино, только много лет назад. Вон, посмотри.

Она объясняла, указывая мне на отдельные фрагменты композиции:

– Вот эта фигурка, видишь? Футболист в форме «Фиорентины». Это наш мэр Порчеллино в молодости. А ты не знал? Да, он тогда играл за «Фиорентину». Когда он стал мэром, то первым делом построил у нас небольшой стадион. Ну, тот, на котором сейчас пустырь и где наши тетушки сушат на покосившихся воротах белье. Ему, красавчику, так шла фиалковая форма...

А вон, взгляни, та статная дама в шляпе с собачкой, не узнаешь? Как же, как же, это же старушка Инганнаморте! Она была главной модницей Порчеллино и сама прекрасно шила, держала ателье. Старожилы помнят, как она дефилировала по центральной улице, у мужчин только шеи трещали... Собачка, собачка! Сейчас это у нее уже третья или четвертая собачка по счету, конечно. Но они все равно у нее были одинаковые.

Ой, сеньор Герра! Да вот же, смотри, большой дом и рядом с ним фигурка в белом с крестом на одежде, видишь? Когда-то сеньор Герра сотрудничал с Красным крестом. Он устроил в Порчеллино приют для бездомных, к нему даже из Большого Города несчастные приезжали, он всех принимал. Потом на месте этого приюта синьор Герра и построил свою гостиницу...

А там кто? Ага, это же Феррари! Вон школьный автобус, увидел? Крохотная фигурка за рулем – это и есть Феррари. Он водил школьный автобус, по всей округе колесил, детишек по коммуне собирал. Школа тогда у нас большая была...

А это? Узнал, да, узнал? Молодец, все верно, это Месье Мишлен. Звезда на вывеске? Нет, никакие не шутки. У него был свой ресторан в Риме, с мишленовской звездой. Его в Париж приглашали и в Лондон, а он вернулся к нам. «Нажрался», – сказал он тогда. А чего нажрался, непонятно. Явно не пиццы.

Ох, ох, сколько тут всего... Ничего себе, ну Баббо Натале дает, во дает. Обрати внимание: звезда не горит. Да не мишленовская, все у вас, у молодежи, одни мишленовские звезды на уме – Вифлеемская, путеводная. У Баббо Натале она всегда горела, а в этом году не горит. Светодиоды у него кончились, что ли... Ой-ой-ой, ангел плачет. Ты только посмотри, ангел плачет! Прямо настоящие слезы текут!

А это что такое? Что это?

Роберта вдруг запнулась, ахнула и прикрыла рот рукой. А потом заплакала, открыто, безвозвратно, не таясь.

Дальше мне предстояло двигаться по вертепу в одиночку.

Я быстро отыскал тот фрагмент, на котором остановилась Роберта. Это было единственное место в композиции, которое она еще не прокомментировала.

Там, обнявшись, стояли двое: женщина в белом платье и мужчина в белом костюме. Их тел было не различить – они сливались в одно белое светлое пятно.

– Вот, значит, как ты с нами, Баббо Натале, – громко шептала Роберта, глотая слезы, – вот, значит, как. Настоящий Баббо Натале...

Я застыл перед вертепом, как вкопанный: я не мог отвести взгляда от ангела. Того, который держал на проволоке над головой другую, не мишленовскую звезду. Он плакал настоящими механическими слезами. Видимо, струйками воды управлял моторчик, который Баббо Натале спрятал у ангела за спиной. Ангел плакал, как ребенок, открыто, безвозвратно, не таясь, как плакала Роберта, как плакали многие в толпе вокруг меня.

В этот момент кто-то дотронулся до моего плеча. Я повернулся. Рядом со мной, по другую руку от Роберты, стоял Роберто. Мы поздоровались.

Перед тем как уступить место этим двоим, о чем просила сама земля под моими ногами, я успел сделать короткое видео вертепа на мобильный телефон, засняв его целиком, от края до края. И затем ретировался.

Я шел прочь от центральной площади, и мои расхристанные чувства развевались за мной пестрым шарфом. Пожалуй, это можно было назвать воодушевлением. Я захотел срочно поделиться с кем-нибудь этим полнокровным чувством и прямо на ходу, не останавливаясь, разместил только что отснятое видео вертепа на своем канале на YouTube. «Самый крутой рождественский вертеп в мире» подписал я на русском, на итальянском и еще зачем-то на английском. Вот такой современный крик души. Пусть все подписчики моего канала тоже воодушевятся, решил я, все эти два прекрасных человека. Из темноты на меня сверкнули чьи-то огромные глаза. Я отпрянул, но быстро пришел в себя. Это были глаза старушки Инганнаморте, только не ее собственные, а биноклярные, на которые попал свет иллюминации с площади. Старушка Инганнаморте внимательно изучала вертеп в свой бинокль с тысячекратным увеличением.

В ночь, когда на свет появился главный младенец на земле, я и сам заснул сном младенца.

III

Меня разбудил сеньор Герра. Он бесцеремонно ворвался ко мне в номер, который я за все время пребывания в Порчеллино ни разу не закрывал. Сеньор Герра вопил: «Не надо денег, не надо», – швырнул мне на кровать стопку банкнот, которые я ему заплатил накануне за неделю вперед, и выбежал наружу.

Я был озадачен. В спешке я собрался и вышел на улицу.

Перед гостиницей стояла деревянная доска на ножках, какие обычно устанавливают возле кафешек, и на ней мелом было написано: «Номера по 1 евро за ночь». На доске висел запыхавшийся сеньор Герра и с плохо скрываемой неприязнью смотрел на торжествующего таксиста Феррари. У того под лобовым стеклом лежал листок А4, на котором крупным кеглем значилось: «Любая поездка за 50 центов». Закадычные недруги продолжали конкурировать даже в щедрости.

Над Порчеллино висела утренняя дымка. Часы на башне пробили девять. Город не спал. В принципе, любой нормальный город обычно уже не спит в девять утра, но только не Порчеллино. Порчеллино ухитрялся спать даже тогда, когда бодрствовали самые изнеженные острова планеты. Но на этот раз его жители сновали повсюду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.